

И.С. Хугаев

Граница и безграничное: семиотический дискурс книги М.В. Тлостановой «Жить никогда. Писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации»

И.С. Хугаев*

Книга М. Тлостановой не нуждается, строго говоря, в рецензировании; и мы не будем ее рецензировать.

Достаточно того, во-первых, что автор сама снабдила ее ясной аннотацией и обстоятельным предисловием, в котором не только ставится задача и декларируется позиция исследователя, но и дается характеристика композиционных принципов книги, ее внутренних коммуникаций и алгоритмов изложения и рассуждения. Всякий, кто возьмет в руки эту книгу, найдет в ее первых отделах ответы на все свои самые общие и предварительные вопросы, всегда предшествующие специальному чтению.

Во-вторых, рецензии уже были; и книга эта отнюдь не относится к «новинкам»; но мы исходили из того, что исследование М. Тлостановой сегодня, в виду не на шутку забурлившего вокруг мира, гораздо актуальней, чем даже в 2004 году, когда оно вышло в свет. Стало быть, автор многое и предугадала.

В-третьих, никакая каноническая рецензия не будет в состоянии адекватно и в полной мере отразить ее богатое содержание, дать образ ее стиля и идеи. Любой сторонний отзыв условен; единственное, что оправдывает существование этого жанра, – это действительная потребность высказаться и обратиться на книгу внимание коллег (и не только), в поле зрения которых эта книга, в силу разных и вполне объективных именно в эпоху глобализации и неолиберализма причин, еще не попала.

У меня такая потребность возникла. Не столько потребность рассуждения и анализа, сколько потребность реплики, реакции, в которой я не претендую на объективность и всесторонность (вот почему это не рецензия): только на искренность и соответствие духу книги М. Тлостановой, как я его, этот дух, понял; наконец, отчасти и на акцентуацию и развитие некоторых принципиальных положений и построений автора.

Следует заметить, прежде всего, что данное исследование представляется глубокой экзистенциальной интерпретацией расхожего утверждения (на которое ссылается и сам автор), обозначившего наступление

новой исторической эры и тектонический сдвиг в сознании человека: «Мы живем в эпоху глобализации».

Хотя автор признается, что «не претендует на «исчерпывающее объяснение сложнейшего феномена глобализации в целом», сознательно отказывается от «оценочного пафоса» и концентрируется на проблеме «соотношения объективно существующих и мифологизированных процессов глобализации, многократно «прошивающих» постсовременное культурное пространство, и литературного процесса в его многочисленных проявлениях» – в книге «Жить никогда...» содержание феномена раскрывается если не специально, то опосредованно: И тем более убедительно, что именно опосредованно: ибо «хорошая филология, – как писал К. Ясперс, – темто как раз и высвечивает подлинную суть и смысл, что не претендует на их познание; она как раз защищает это существенное от смешения с филологически познаваемым, составляющим ее непосредственную тему. За всеми передними планами, реалиями, источниками, контекстами, зависимостями, мыслительными схемами, по мере того, как филология их выявляет, все более ясно проступает существенный смысл, субстанция, если, конечно, она есть, и, конечно, только для того, кто способен ее увидеть» [1].

В чем состоит сущность глобализации в контексте духовной истории человечества и Европы? Что значит глобализация для современной России и ее национальных окраин? Как переживаются процессы глобализации в обыденном и литературном сознании? Какова культурная реакция на либертарианские посулы? Как соотносятся ценности традиционных национальных культур с культурами потребительского общества? – на эти и другие вопросы М. Тлостанова предлагает безусловно интересные, ясные и приглашающие к сотрудничеству ответы.

Самобытность, актуальность и новизна звучания этой книги (даже в ряду других ее книг, заслуживающих не меньшего внимания) очевидны. Подобно тому, как Шпенглер в свое время во многом опроверг общепринятую линейную функцию мировой истории («Древний мир – Средние века – Новое время» – (...)

* Хугаев И.С. – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела культурной антропологии южных осетин ВНИЦ.

невероятно скудная и лишённая смысла схема» [2]), М. Тлостанова ставит под сомнение и оспаривает объективность той картины мира, которая открывается наблюдателю из, образно говоря, бойниц цитадели политического могущества и идеологической гегемонии, как раз и порождающей и навязывающей лимитрофам (своей периферии) идеи модернизации и неолиберализма.

Конечно, здравый смысл кладет запрет не только на конформизм (культура всегда восприимчива, но никогда не покладиста), но и на радикальную критику идеологической метрополии, ибо такая критика фатально упускает из виду то обстоятельство, что победители вполне завоевали право писать не только историю, но и художественную литературу. Если бы в холодной войне победил Советский Союз, то, вероятно, нам теперь открывались бы совсем другие идеологические и эстетические ландшафты, – но реальная картина мира была бы в общем и целом (механистически, семиотически) сходна с той, что имеет место сегодня. Ибо ни один центр силы (и в этом его слабость, ведущая к гибели) не может пребывать в статическом состоянии; единственно возможная для него форма существования – экспансия («Доколь, – как писал Фихте, – не поглотит он всего в этом круге, доколь вся материя не будет носить печати его действия и все духи не образуют единый дух с его теплом» [3]). И это – что важно – относится ко всем уровням «властных конфигураций» – как к отношению России и ее провинций, так и к отношению Запада и современной России как его провинции.

Очевидно в то же время, как замечает М. Тлостанова, что «глобализация не тождественна геополитической экспансии эпохи расцвета наций-государств, основанной на борьбе нескольких мировых центров, стремящихся навязать остальным свои качества. Она сохраняет формальные суверенитеты, национальные границы, правительств, но территориальное измерение национального суверенитета, а также шлейф характерных традиций и образов мира, которые были с ним связаны, все больше теряет свою главенствующую роль, стремясь к идеальной для глобализации модели центра мира, находящегося «везде и нигде», постоянно ускользающего от определения и даже от привычной материализации». Тем не менее, несмотря на всю метафизичность этой последней структуры, символически соотносимой М. Тлостановой (в частном аспекте) с «паучим образом интернета» (а, кстати, А. Галазовым – со «спрутом», который «мыслит щупальцами» [4]), центр глобализирующей воли имеет в культурном сознании вполне определенный конкретно-исторический образ «победителя».

Но победитель всегда в известном смысле слеп: он ослеплен собственной победой, – и рано или поздно наступает момент, когда эта слепота становится очевидной для побежденного, для того, кто наблюдает картину с периферии, лимитрофа, с границы. Наступает момент истины, ибо ясно, что ни один «проект

современности» (в данном случае западной) невозможно «завершить изнутри и силами самой этой современности». Тогда же открывается и подлинное, скрытое до поры значение всякой борьбы, в том числе борьбы идей, сводящейся в кризисные эпохи за саму возможность давать оценки и имена явлениям и предметам. И вот разительный пример: «глобализация – это последнее на сегодняшний день проявление пятивекового процесса модернизации или вестернизации в ее так называемой рыночной стадии, (...) при которой свободный мировой рынок объявляется единственной целью и смыслом развития человеческого общества».

Проблема (или проблематичность) любой экспансии (идеологической в том числе) всегда достигает своей критической массы прежде, чем экспансия достигает своей цели. В такие-то исторические минуты исследования, подобные книге М. Тлостановой, приобретают особый смысл – именно как голос с границы (голос, по определению автора, «многократно колонизированного «инога»), как голос самой Границы, в нашем случае уже фактом своего существования свидетельствующий, насколько «пошатнулись универсалистские претензии западной современности», ее «непререкаемо центральная позиция».

Прецеденты (конечно, менее масштабного хронотопа) известны и красноречивы – именно поскольку каждая частная модель семиотических отношений выступает «компактной» аналогией глобальных процессов. В свое время (XVIII–XIX века) благодаря подвижнической деятельности горских просветителей Кавказа колониальная политика русского царизма обогащалась подлинно просветительским содержанием, полицейско-милитаристические формы правления все более явственно обретали гуманистический характер. Без Шоры Ногмова, Коста Хетагурова, Умалата Лаудаева и других горских просветителей русская цивилизация на Северном Кавказе не имела бы никакого успеха – в лучшем случае, дело закончилось бы внешними, механистическими мероприятиями, «равносильными обряжению китайца в европейский фрак» [5].

Любая экспансия (в том числе просветительская) взаимна на тонком, метафизическом уровне; она до поры актуализирует границу, но только с тем, чтобы в конечном итоге граница была упразднена, ибо целое семиотических отношений стремится к конечной ликвидации внутренних границ; с точки зрения целого и всеобщего нет ни духовной, ни политической, ни вооруженной борьбы за расширение границ и пределов (здесь просто кончаются обозримые сознанию мотивировки) – есть только борьба за упразднение границы как таковой [6].

Диалектика Тлостановой не вызывает сомнений, именно поскольку она, на наш взгляд, признает объективный характер глобализации. Признание это выражается не столько в констатации неспособности наций-государств и отдельных этнических культур

«предоставить достойную альтернативу глобализационному «монстру», сколько в фиксации парадоксальности самого феномена: «достойная альтернатива глобализации... возможна только на путях формирования не менее глобальной альтернативной модели глобализации». Глобализация неизбежна потому, иначе говоря, что антиглобализм как международное движение является еще одной формой глобализации.

Соответственно, задача человечества состоит только в том, чтобы сделать этот неизбежный процесс максимально органичным и положительным с точки зрения участия этнокультурного элемента. Сугубо прогрессистскому, механистическому духу модернизации и рыночному (собственно, базарному) пафосу глобализма, костяком которого выступают «пресловутые транснациональные корпорации», можно и должно противопоставить такое «собрание Земли» [7], при котором каждый народ, не теряя своего «национального характера», освобождается от своего «национального эгоизма» [8], которое основано «не на принципах неолиберализма, а на транскультурации, на позициях критического космополитизма, истинного диалога и подлинного участия».

Задача эта ясна, но не вполне ясны до сих пор методы ее решения; и мне кажется, что М. Тлостанова предлагает несколько важных моментов алгоритмизации ее духовного и интеллектуального осмысления. В основе всего – указанный выше диалектический и исторический принцип, предполагающий рассмотрение вопроса в максимально широком контексте. Обобщая наблюдения своих предшественников, М. Тлостанова принципиально указывает, что призрак глобализации начал бродить по Европе с момента изобретения и создания первого глобуса Земли в Нюрнберге в 1492 году: «Овеществленная метафора мира как сферы вместе с банковской системой, родившейся во Флоренции, стали первыми шагами на пути глобализации, которая шла рука об руку с колонизацией мира. Глобус, как многие символы модерности, становился тем самым очень амбивалентным образом. И мне хотелось бы сразу подчеркнуть это историческое измерение глобализации, ее принципиальную несводимость к явлениям лишь конца XX века».

Весьма привлекательной и продуктивной представляется та мысль, что современные глобализационные тенденции и идеологии являются так или иначе закономерным развитием (или деградацией) благородных притязаний европейского Возрождения и Просвещения. Ибо, в самом деле, «ничего особенно нового (помимо, конечно, «инструментария». – И.Х.) в этом процессе нет, ведь заведомо исключая огромные массы людей из группы избранных, глобализация с первых же своих шагов и при мощной экономической поддержке капитала, а также при использовании техники и науки, насаждала повсеместно западные формы понимания, познания, обучения, контроля и полного подчинения материального и духовного мира, проводя мировую экспансию модерности, как созвездия все новых возникавших форм мирового

взаимодействия и взаимозависимости в формировании невоплощаемого идеала планетарного сознания, идея которого была разработана лучше всего в европейском Просвещении».

Именно так: «идеал планетарного сознания» с его лозунгом «liberte, egalite, fratermite» был действительным произведением просветительского взрыва, проникнутым высшими достижениями философии, искусства и науки, но с отдалением во времени от эпицентра этого смыслового взрыва его благородное реликтовое излучение ощущается все меньше и меньше, а отчасти и профанируется; на примере литературного процесса можно увидеть, как на смену культуре (которая в основе своей всегда аристократична) приходит буржуазная мода, а за модой воцаряется уличное поветрие. Планета – наша последняя ойкумена; плохо, если планетарное сознание будет отягощено химерами потребительской психологии или зиждаться всецело на глянцевах журналах, поп-музыке и макдональдовском общепите.

М. Тлостанова методично характеризует различные подходы к решению своей главной задачи («трактовка имперско-колониальной конфигурации России, СССР и постсоветского пространства»), предлагая тем самым корректный и емкий очерк обширного пласта философских, социологических, антропологических исследований (труды А. Аппадурраи, В. Миньоло, А. Мемми, С. Бак-Морс, Ю. Афанасьева, С. Кара-Мурзы, Ю. Хабермаса, Г. Спивак, Н. Смита и др.). Отвергая, со своей стороны, «описательные» алгоритмы (именно поскольку «истории вне ее интерпретаций не существует»), она вместо этого концентрируется на выявлении «основных особенностей культурного воображаемого, семиотических механизмов и мета-метафор, общей гео-исторической и геокультурной логики, которые в комплексе и позволяють говорить об уникальности России, как империи».

И это ей блестяще, на мой взгляд, удалось. Прежде всего за счет не только безошибочно – логически избранного и интуитивно предпочтенного – угла зрения, но, во многом, как сама Тлостанова, кажется, признает, взгляда, предопределенного ее личной генеалогией и творческой, «интеллектуальной биографией». Речь идет, опять-таки, именно о «пограничной позиции», которая в случае с Россией есть позиция ее «внутреннего иного – в этническом, культурном, языковом или религиозном смыслах, позиция, децентрирующая каноническую западную эпистемологическую модель и ее российские варианты».

М. Тлостанова несколько раз возвращается к этой идее, категорически определяя предпочтительность пограничного интеллектуального видения как субъективности, принадлежащей человеку, «который живет в мире, а не в определенной культуре или стране»; как сознания, единственно способного «балансировать между абсолютной радикальной инаковостью и неоуниверсалистским совмещением различных толкований глобализации»; как позиции не однажды «ко-

лонизированного иного», понимающего, по Альберу Мемми, всех, потому что он «не принадлежит полностью никому».

Последняя характеристика представляется особенно актуальной и продуктивной (для концепции Тлостановой): во всяком случае, исследование ее, будучи образцом крайне желательной сегодня подлинной, а не только декларируемой, свободы мышления, показывает, что «побежденный» (колонизированный или колонизируемый) лучше знает «победителя» (колонизатора), нежели «победитель» – «побежденного», – и тем самым он перестает быть побежденным, ибо только на этом пути начинается столь необходимая «деколонизация сознания». Вернуть процесс в органическое русло – это миссия «маргинала»: деколонизация сознания несоизмеримо трудней дается колонизатору, чем колонизированному.

Граница, таким образом, становится важнейшим концептом книги «Писать ниоткуда...»; она есть, в пространственной системе Тлостановой, «новая точка отсчета» и «новая эпистемологическая позиция», которая «открывает пути к новому пониманию мировой истории, как бы преодолевающей модернизм», истинно обретает статус и значение важнейшего, по Лотману, элемента «механизма семиотического пространства» [9].

Но, с другой стороны, она же – граница – как символ и апофеоз всякой ограниченности – и упраздняется; ибо только с границы открывается взору мир без границ; когда собственным телом субъекта покрывается граница, открывается безграничное. Книга Тлостановой, транслирующая смыслы с периферии и, отчасти таким образом, периферические смыслы, относится именно к таким социо-культурным исследованиям, которые, наряду с первоклассной художественной литературой, демонтируют стереотипы модерности и «стирают границы», актуализируя и утверждая действительно планетарное и общечеловеческое.

Разумеется (это признает и автор книги), что «пограничное видение» само по себе не способно обеспечить тот устойчивый баланс сил, которым характеризовалась глобальная биполярная система. Но сегодня нам уже мало и того, чтобы нас услышали, и нам уже не достаточно простого «механического добавления все новых голосов к хору мирового культурного многообразия (это характерно для неолиберальной этики включения иного в поле нормативности)»; предстоит поработать над тем, чтобы «этим ранее неслышимым голосам» было предоставлено право «подлинного участия в (вос)создании альтернатив-

ных западной модерности макро-теорий и историй и в сложном процессе смыслообразования».

Итак: позиция, не претендующая на полную объективность и конечность, разоблачение без патетики, обвинение без риторики, анализ без вивисекции – вот черты, присущие изложению М. Тлостановой и придающие ей глубокое содержание, самый серьезный философский тон и при этом тонкое обаяние.

Естественно, данная рецензия лишена таких достоинств; но оправданием служит мне отчасти необходимость подчинения жанру; интерпретатор подневолен, а интерпретируемый уже освобожден; кроме того, сбивчивость первого часто объясняется его желанием сказать больше и невозможностью сказать все. Это тем более характеризует мое положение, что текст Тлостановой в части архитектоники весьма специфичен. Мы говорили выше о голосе самой границы: в этом смысле актуальна и композиция книги «Жить никогда...», в которой я также усматриваю определенную полемическую заостренность против концептуалистских шаблонных трактатов, «иерархической и линейной логики логоцентрического позитивистского» мышления: горизонтальные связи ее частей («не всегда вытекающих одна из другой») актуализируют пространственное измерение структуры, значительно облегчающее восприятие целого, но затрудняющее его адекватную всеобъемлющую трактовку.

Интересно, в самом деле, что М. Тлостанова приглашает нас читать ее книгу «с любого места», позволяя себе «пропускать в ней отдельные сегменты и... возвращаться к ним позднее при необходимости», объясняя такой композиционный метод предметом рассмотрения и личной эпистемологической позицией. Автор, конечно, знает, что современный, даже самый методичный и заинтересованный, читатель так зачастую и поступает, хотя бы и не заручившись авторским разрешением. Важно другое, именно: что в данном случае такое чтение правомерно на деле: где бы мы не открыли эту книгу, мы всегда будем на границе познанного и познаваемого.

Книга М. Тлостановой оптимистична: она показывает, что впереди у человечества – непочатый край работы, духовной борьбы и созидания. «Цыплят по осени считают», история кончается не завтра. Отдельные одиозные образы современности не должны ввергать нас в депрессию, апатию и отчаяние. Надо только помнить о том, что это только «сор (...), растоптанный ногами. Вот встретил он стену и тихо лег у подножия ее, а ветер летит дальше» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Ницше и христианство. – М.: Медум, 1994. С. 22.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. – Минск: ООО «Попурри», 1998. С. 21.
3. Фихте И.Г. О достоинстве человека // Фихте И.Г., Шопенгауэр А. Немецкая классическая философия: в 2-х т. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 2000. Т. 2. С. 71.
4. Галазов А.А. Культура, вперед! // Дарьял, 2010. № 4. С. 166.
5. Хетагуров К.Л. Владикавказские письма («В последнее время...») // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч.: в 5 т. – Владикавказ: Ир, 2000. Т. 4. С. 42–43.
6. См. Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. – Владикавказ: Ир, 2008. С. 42–48.
7. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Избранные сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 552.
8. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Избранные сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 304.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 257.
10. Андреев Л.Н. Иуда Искариот // Андреев Л.Н. Избранное. – М.: Советская Россия, 1988. С. 229.